

МКУК «Центральная городская библиотека им. В. И. Ленина»
Городской социокультурный краеведческий центр

«МАЛЕНЬКОЕ О БОЛЬШОМ ЧЕЛОВЕКЕ»

**ВОСПОМИНАНИЯ ТАИСИИ СИТНИКОВОЙ (1866–1950)
ОБ АЛЕКСЕЕ МАКСИМОВИЧЕ ГОРЬКОМ**

Нижний Новгород, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

В 2017 году от одного из авторов нашей рубрики «Семейная память» Елены Вячеславовны Снегиревой мы получили текст воспоминаний Таисии Алипьевны Немировской (в первом браке Ситниковой), прапрабабушки ее родственника А. С. Устинова. Александр Сергеевич обнаружил оригинал рукописи в фондах ЦАНО (Ф. Р-5861, оп. 1, д. 161, лл. 1-199), осуществил компьютерный набор текста и прокомментировал его, что потребовало определенной исследовательской работы. Наличие справочного аппарата значительно повышает ценность полученного материала.

Воспоминания были написаны в 1946–1950 годах (первая запись датируется 19 декабря 1946 года), когда Таисии Алипьевне было уже за восемьдесят. Мемуары изобилуют мельчайшими деталями быта дореволюционной поры, в силу чего представляют значительный интерес для современного читателя – даже помимо того, что в них фигурируют многие известные личности. Центральной фигурой публикуемого здесь фрагмента является Алексей Максимович Горький, с которым Ситникову связывали и сходство биографий, и душевная близость, и глубокая симпатия, переросшая в любовь. Знакомство их было кратковременным, но навсегда осталось в памяти и сердце.

Таисия Алипьевна Добросмыслова (1866–1950, в первом браке Ситникова, во втором – Немировская) родилась в Ардатовском уезде Нижегородской губернии в семье мелкого земского чиновника. После обучения в Арзамасской женской прогимназии вернулась в Ардатов и работала учительницей. В возрасте 17 лет вышла замуж за секретаря съезда земских начальников Н. М. Ситникова. В 1889 году молодая семья переехала в Арзамас по новому месту службы мужа, который через 11 лет скончался, оставив Таисию вдовой с четырьмя маленькими дочерьми на руках. В Арзамасе весной 1902 года и произошло ее знакомство с Алексеем Максимовичем Горьким. Познакомил их Федор Иванович Владимирский (1843–1932), потомственный арзамасский священнослужитель и известный общественный деятель (в частности, он был депутатом Государственной думы Российской империи II созыва от Нижегородской губернии). С 1899 года о. Федор служил в Арзамасе протоиереем Троицкой церкви и был одним из близких друзей и частых собеседников Горького. Его дочери Софья и Елизавета стали активными участницами первой русской революции, в годы советской власти работали в Арзамасе в сфере народного просвещения, сын Михаил вошел в число близких соратников В. И. Ленина.

Пребывание А. М. Горького в Арзамасе оставило глубокий след не только в культурной и общественной жизни города и уезда, но и в творчестве писателя. Здесь была завершена пьеса «На дне», началась работа над пьесой «Дачники». Сделанные в Арзамасе наброски позднее были использованы в ряде произведений, в частности, в рассказе «Как сложили песню», повести «Городок Окуров», очерке «Городок» и др. Кстати, специалисты не исключают и того, что красавица Таисия послужила прототипом Надежды Монаховой – героини пьесы «Варвары»¹.

Большое влияние А. М. Горький оказал на передовую часть арзамасского учительства и интеллигенции. В частности, о своих встречах с Алексеем Максимовичем позже писала активная участница социал-демократического движения в Арзамасском уезде Екатерина Григорьевна Кузьмина (1900–1953), которая фигурирует в воспоминаниях Т. А. Ситниковой.

Ниже публикуется первая часть воспоминаний, под авторским заголовком. К сожалению, опубликовать их так, как они записаны, невозможно из-за особенностей языка и стилистики документа (повторы, речевые ошибки и т. д.), что легко объяснимо солидным возрастом автора. Пришлось прибегнуть к литературной обработке текста и незначительным сокращениям, при этом сохранены все смысловые акценты. Подстрочные примечания, кроме оговоренных случаев, принадлежат А. С. Устинову.

Татьяна Вадимовна Кучерова, заместитель директора ЦГБ им. В. И. Ленина,
действительный член общества «Нижегородский краевед».

¹ Вячеслав Панкратов. Арзамасские корни Верхополя. С сайта «Одиннадцать». Режим доступа: http://odinnadz.blogspot.ru/2013/12/blog-post_23.html.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСЕЕ МАКСИМОВИЧЕ ГОРЬКОМ

«Мне в мае пойдет 85-й год, а в 1902 году я была молода, говорят, очень красива и была знакома с Горьким, который был сослан в Арзамас, а я жила рядом. После смерти Алексея Максимовича ко мне два года ходили друзья Горького с просьбой, чтобы я написала воспоминания о нем. Для меня эти воспоминания были святыня, и я не хотела о них писать. Чаще других приходил сельский учитель и близкий друг Горького Безруков, который не так давно умер. Я после войны согласилась написать то, что сейчас посылаю Вам...»

(Из письма Т. А. Немировской заместителю председателя Совмина СССР В. М. Молотову от 16.02.1950 г.)

***Т. А. Добросмылова в возрасте 17 лет, 1884 год.
Фото предоставлено А. С. Устиновым***

Я тоже ежедневно ходила рано утром через бульвар, торопясь на работу к 6 утра. Служила я в винной лавке, куда поступила 1 июня 1901 года, оставшись вдовой после неожиданной смерти моего первого мужа Н. М. Ситникова, умершего от разрыва сердца в возрасте 48 лет.

***Н. М. Ситников в возрасте 32 лет, 1884 год.
Фото предоставлено А. С. Устиновым***

Я осталась без пенсии и без средств с четырьмя дочками – пятнадцати, одиннадцати, семи и трех лет, а в учительницы меня не приняли как вдову политического. До замужества я работала учительницей в г. Ардатове

² В настоящее время – ул. Карла Маркса.

³ Большой деревянный 2-этажный на каменном фундаменте дом тестя, Михаила Ситникова, располагался по адресу ул. Сальникова, 13 до его сноса в 1980-е гг. при строительстве музея А. П. Гайдара.

⁴ Позже улица была названа в честь Максима Горького.

Нижегородской губернии, где преподавал французский язык мой будущий муж, исключенный из студентов Горного института в 1881 году⁶ как близкий друг Кибальчича⁷ за убийство царя Александра II. Не разделил участь своего друга мой муж Н. М. Ситников лишь потому, что задолго до 1 марта попал в больницу, где два месяца лечился от желтухи. Вот почему его только исключили, лишив прав государственной службы, а меня – прав на службу и пенсию, и я уже не могла поступить в учительницы. Товарищи мужа по гимназии⁸ хлопотали за меня и достали мне место в винной лавке. Нашли и квартиру, где я могла давать уроки, репетировать по русскому и математике, т. к. я хорошо знала эти предметы. Таким образом я была занята с 6 ч. утра до 11 ч. вечера.

Я Горького встречала – и это было ежедневно не раз в день – на этой Новоplotинной улице. Но я не могу и сейчас сказать – слезы мне мешают писать, – какое впечатление на меня произвел Горький, даже не бывши мне знакомым. Его лицо, вся фигура, слегка согнутая, носила особый отпечаток какого-то внутреннего благородства, духовного изящества, что я ранее не видела ни в одном человеке. Но глаза, глаза его, такие глубокие, ушедшие в себя и в то же время все видящие и потому готовые помочь каждому страждущему, – они и ласкали, и как бы любили весь мир. Горьковских глаз не забыть, кто хоть раз их видел!

И мне стало страшно, что я могу полюбить этого человека, семейного, женатого, что, по моему убеждению, было преступлением, и я решила прятаться от встреч с ним таким образом: как завижу его могучую фигуру издали, а я в молодости была дальнорозорка, то или возвращаюсь обратно, или свертываю в перпендикулярные нашей Новоplotинной улицы – Новую⁹ или Прогонную¹⁰. Когда мы познакомились с Алексеем Максимовичем (он мне рассказал), то это имело как раз обратное на него действие.

Неожиданные встречи были на берегу реки у купальни, которую содержал частник – Горбатенький Володя. У купальни он имел собственную избушку, в которой жил со своей семьей (жена и маленькие дети). В полую вешнюю воду перебирался на берег к добрым людям, пускавшим его с семьей, а после спада воды снова помещался в свою избушку. В романе «Дело Артамоновых» есть дворник Тихон у Артамоновых, так он многим напоминает Володю Горбатенького, с которым Горький много разговаривал, когда сидел у купальни.

Сидели у купальни подолгу, ибо пускали по одному человеку, даже одного пола: очевидно, жители Арзамаса (Окурова¹¹) не имели привычки относиться с уважением к чужой собственности. Как-то раз мы, еще не будучи знакомы с Горьким, встретились у речки, долго ожидая очереди: он с 4-летним сыном, а я с дочерью 16 лет. Как сейчас вижу его сидящим в широкополой шляпе на лавочке с неизменной папиросой во рту. Моя дочь сказала: «Мама, как долго», – а лето было знойное, и утром на солнце жарко. На это Горький невольно оглянулся и сказал: «А я думал, Вам 20 лет». А мне тогда уже было 36. Моей молодостью даже интересовались профессора в Москве, в клинике, куда я обращалась по поводу болезни легких, а вид у меня был совсем как у здоровой. Моя учительница в гимназии Софья Александровна Зеленецкая (она дожила до 90 лет), когда мне было уже за 50 призналась: «Не

⁶ По данным ЦГИА СПб, Н. М. Ситников поступил в Горный институт в 1875 году, а в мае 1877 года покинул его по семейным обстоятельствам, а не был исключен по политическим мотивам.

⁷ Н. И. Кибальчич с октября 1875 до июня 1878 года (т. е. во время пребывания Н. М. Ситникова в С.-Петербурге) содержался в киевской тюрьме по обвинению в революционной пропаганде среди крестьян Киевской губернии.

⁸ Товарищем Н. М. Ситникова по Нижегородской губернской гимназии, много помогавшим его вдове в обустройстве жизни и в определении двух дочерей в Александровский институт в С.-Петербурге, был Николай Андреевич Зверев, выходец из крестьянской семьи, уроженец Горбатовского уезда, русский юрист, ординарный профессор Московского университета, политик и общественный деятель, член Госсовета (1909—1917). Ему, как и Н. М. Ситникову, покровительствовал земский начальник Дмитрий Васильевич Хотяинцев. По словам Горького, во время его пребывания в Арзамасе его «особенно невзлюбил» именно Д. В. Хотяинцев.

⁹ В настоящее время – ул. Кирова.

¹⁰ В настоящее время – ул. Советская.

¹¹ По рассказу М. Горького «Городок Окуров», в котором прообразом места действия послужил г. Арзамас.

было красивее тебя в Арзамасе» (а купцы женились только на красивых, вывозя невест часто из дальних медвежьих углов), – яркий румянец, белый лоб, сине-голубые блестящие глаза, красивый рот, губы ярко окрашены и как перламутр зубы, – а ранее боялась говорить, считая, что мне вредно это знать для устойчивости моей нравственности. А я и не подозревала, что я была красива и стройна.

Часто в нашем переулке я встречала любимую дочку Алексея Максимовича Катю двух лет, которую еще носила на руках няня. Я с ней, проходя, всегда разговаривала, и она, смеясь, лепетала по-своему. У Кати было круглое, русского типа личико со слегка вздернутым носиком. Катя была очень хорошенькая девочка, похожая на свою мать Екатерину Павловну, а мне Горький впоследствии говорил, что Катенька еще более похожа на свою бабушку, мать Горького, которая была красавицей, но рано умерла. Катенька умерла в 1906 году и похоронена в Горьком, на кладбище Крестовоздвиженского монастыря, где у нее замечательный памятник: огромная глыба почти неотделанного камня гранита, а в верхней части которого из этого же камня высечено чудесное личико Кати. Ну до того художественно сделано, что нельзя оторваться, а все хочется смотреть и смотреть – замечательная работа художника-скульптора Мухиной¹².

Излишне говорить, что Горький был центром внимания арзамасцев, никто не относился к нему равнодушно: обыватели пугливо, с опаской косились на него, как на ссыльного, политически неблагонадежного. Иные из них с нескрываемым любопытством рассматривали писателя. У его окон всегда стоял полицейский, заглядывавший часто в комнаты, – очевидно, такая дерзость была по приказанию местных властей. Но были и такие, которые с восторгом и тайным трепетом смотрели на любимого писателя. Певец Шаляпин, желая навестить в ссылке своего друга Горького, приехал в Арзамас и остановился у него в квартире на Сальниковой улице и много пел¹³. Так весь город как бы проснулся, и все высыпали на Сальникову улицу и вели себя по-окуровски: огромная толпа шумела, галдела, кашляла, и лишь огромные голосовые средства мирового певца могли заглушить этот шум. Напротив дома, где жил Алексей Максимович, жили мои знакомые Ахмаметевы, к которым мы, интеллигенция, почитающая и любящая писателя, приходили и смотрели в окна и слушали, ловя каждое слово обожаемого писателя, пролетавшее через улицу.

С Горьким нас познакомил отец Федор Владимирский, священник Троицкой церкви¹⁴. Я очень хотела познакомиться с Горьким и в то же время боялась встречаться с ним, ибо от природы была очень застенчивая, робкая. Случай помог. Пошли мы с П. Ф. Карповой¹⁵, как ежедневно делали, утром рано на реку купаться и увидели издали на бульваре о. Федора Ивановича, сидящего на лавочке рядом с Горьким. Моя Пашенька, как я ее называла, бегом проскочила бульвар, а я должна была подойти к о. Федору поздороваться. Он и представил меня Горькому. Именно представил и все обо мне рассказал, хотя и не имел достаточно времени для этого, ибо шел служить раннюю обедню. С Горьким он был знаком, раз ходил к нему ночью, в 2 часа, под проливным дождем, и до заутрени они беседовали, решая мировые философские вопросы. В этих прениях тогда принял участие гостивший в это время у Горького писатель Андреев, очень удивленный умом и развитием простого священника, и даже говорил Горькому: «Я тебе завидую, какие у тебя удивительные знакомые люди-самородки».

Действительно, о. Федор Иванович Владимирский был личностью необыкновенной. Он пользовался большим уважением в городе как человек свободолюбивый, независимо себя державший, очень большого ума. Авторитет его в глазах интеллигенции еще более поднялся,

¹² При уничтожении Казанского кладбища при монастыре надгробие Кати Пешковой было перевезено на Красное кладбище, вероятно, в качестве кенотафа.

¹³ По данным музея Горького в Арзамасе, в действительности Шаляпин не бывал в Арзамасе у Горького, а в его квартире пел Скиталец, которого горожане лишь принимали за Шаляпина.

¹⁴ Троицкая церковь располагалась рядом с сохранившейся Знаменской церковью, на месте современного памятника А. В. Ступину.

¹⁵ Арзамасская учительница Прасковья Федоровна Карпова, дочь хозяина дома, где была винная лавка, в которой служила Таисия Алипьевна. (Прим. ред.)

когда стало известно, что он бывает у Горького. Я была близко знакома с семьей Федора Ивановича, а моя старшая дочь Соня дружила с его дочерью, тоже Соней, которая была в первые годы Советской власти заведующей Наркомпросом и очень молодой умерла от операции¹⁶. О. Федор Иванович очень сердечно и сочувственно относился ко мне и моей жизни вдовы с четырьмя сиротами.

Когда я подошла к ним на бульваре, он познакомил меня с Горьким, посадил около себя и сказал: «И вот вдова, героиня, мать четырех дочерей. Муж был политический ссыльный, исключенный студент Горного института за убийство царя Александра II, потому она пенсии на детей не получает. Но детям своим дает образование, хотя сама хрупкая, как тростиночка, учит, репетирует учениц гимназии и сама учится на заочных фельдшерских курсах и будет сдавать экзамен в Нижнем. Но хорошо бы ей выбраться из Арзамаса, где она беззащитна от нелепой сплетни и клеветы, и потому тяжело ей здесь жить в обывательском болоте, каков этот город».

Далее о. Федор еще рассказывал, а Горький внимательно слушал о том, что когда я училась в прогимназии в Арзамасе, где о. Федор Иванович был членом учительского совета, то я была не только первой в классе, но и во всей гимназии. «Ей и фамилия была Добросмыслова. У нее способности были и прилежание. Она так писала сочинения, что учительница русского языка С. А. Зеленецкая предсказывала, что она будет писательницей. Еще она имела особый дар Божий: голос и абсолютный слух. Учительский совет хотел на свой счет далее в Нижний отправить ее учиться, но скоропостижно умирает мать 33 лет родами. Отец не перенес горя и умер вскоре в возрасте 36 лет, оставив восемь человек малолетних детей на ее попечение, т. к. она была самая старшая – 16 лет. Потеряв горячо любимую мать, она была от горя тяжело больна, но как силы восстановились, то она со всей энергией принялась хлопотать, чтобы устроить сирот-сестер в Николаевский институт в Москву, а сама поступила в женскую школу учительницей в г. Ардатове, в 1883 году. Много-много энергии и труда она положила, чтобы устроить сестер в Москву из такой глуши, как Ардатов».

Зная исключительную добрую, чуткую и отзывчивую душу Алексея Максимовича, можно судить, какое это на него произвело впечатление.

После знакомства с Горьким мы часто встречались рано утром на бульваре и разговаривали, если там никого не было. Глаза наши говорили, что наши души близки друг другу.

Много Алексей Максимович рассказывал про свое детство и отрочество, и если читать очень интересно, то слушать тяжело, ибо он говорил изумительно, чудесно... Когда он говорил, я с трудом сдерживала слезы. Много говорил он про свою чудесную бабушку, которая его вырастила, помогла пережить все ужасы детства и подарила миру такого великого человека. А про свою мать рассказывал, что это была русская красавица и большая умница, очень добрая, сердечная, а в жизни несчастная. Она рано овдовела, когда умер ее первый муж, отец Горького. Это был самородок из рабочих, большого ума, доброй души, очень начитанный, второй Кулибин, что обещало счастливое будущее. Умер неожиданно от холеры в Астрахани, куда был назначен на большое ответственное место. Сына своего Алексея оставил 2-х лет. Его мать вышла замуж за второго мужа, который был или бессердечный, бездушный, или бесхарактерный – проиграл в карты все, что она имела, – приданое, деньги и вещи – оставив ее с малолетним сыном нищими. От тяжелых переживаний получила туберкулез, от которого и скончалась, когда Горькому было всего 10 лет и он лишь окончил школу. Он один был при смерти своей матери, если не считать годовалого брата Колю.

Сколько он пережил! Так мне было его жаль, что хотелось стать перед ним на колени и земно поклониться его страданиям.

¹⁶ Софья Федоровна Владимирская (1885–1923), по второму мужу Коршунова.

Он просил меня рассказать о себе, и у нас оказалось много общего в переживаниях, в прошедшем, в детстве, и мы оба были больны туберкулезом, хотя и не злостным.

Моя мама, которую я безумно любила, была умница, прекрасная, добрая, гуманная, и она умерла скоропостижно 33-х лет одиннадцатыми родами от кровотечения. А было это в г. Ардатове. Помочь остановить послеродовое кровотечение было легко, но я не знала, как, хотя мне было 16 лет. Я побежала за врачом, стучала к нему в дверь, а он всю ночь в карты играл и пришел, когда уже не было у мамы пульса. Это было в 9 часов утра, и моя любимая мама лежала в луже крови на полу: в предсмертном ужасе она бросилась с кровати на пол. А так было легко спасти жизнь молодой здоровой женщины! Тогда же я решила, что буду учиться на фельдшерицу, чтобы иметь возможность помогать бедным людям, к которым не все врачи любят ходить.

Была и у меня, как у Горького, чудесная умница-бабушка со стороны матери, добрейшая, всем готовая помочь и всех обогреть, за что ее звали в деревне «наше солнышко». И она точно так же нюхала табак. Была она дочерью священника села Ардатовского уезда¹⁷, ее отец умер¹⁸, оставив семь дочерей и пятерых сыновей. Красивую дочь отдали за священника¹⁹, место старое зачли, как было тогда заведено, а мою бабушку как некрасивую выдали в село Кужендеево за пономаря²⁰, что был ниже дьячка.

Бабушка была неграмотная, но от природы умная, трудолюбивая, сердечная. Село, где она жила, Кужендеево, в трех верстах от Ардатова, стояло на большой дороге, где много проходило странников, и она всю свою жизнь кормила их обедом, что мы сами ели, – и зимой, и летом давала полный обед, а не милостыню. В деревне всем нуждающимся и больным помогала, и я многое помню, хотя мне было не более 4-6 лет. Я с ней ходила к болящей Дарье, у которой отнялись руки, ноги и не видели глаза, а она сама была очень молодая и красивая, и за ней ухаживал ее муж Иван, тихий, кроткий человек. Ну совершенно как описано у Тургенева в рассказе «Живые мощи». Мы носили Дарье еду, что повкуснее, т. к. она была нервная, раздражительная. Я так любила бабушку, что когда она шла к Дарье в праздник, то я бросала на улице игры с подругами и бежала за ней, цепляясь за платье. Несмотря на то, что у больной в избе было жарко, ибо она все время зябла, и стоял очень тяжелый дух, бабушка сидела долго, желая успокоить несчастную больную, все ей рассказывала, кормила ее, а мне хотелось на солнце, на воздух, но я не уходила – так я любила бабушку.

Чтобы заработать, бабушка ходила к крестьянам и жать, и косить, и молотить. Кроме работы в поле, она пряла и ткала, и я с ней научилась этому, а дедушка чинил обувь, ибо получал седьмую копейку дохода. И вот моя чудесная бабушка с такими доходами ухитрилась меня послать учиться в Арзамас в прогимназию²¹. Когда я окончила приходскую школу с похвальным листом, то учительница этой школы, Ольга Алексеевна Терновская, сказала маме и бабушке: «Грех не учить эту способную и умную, и очень прилежную девочку», – и меня мама на те гроши, что дала бабушка, свезла на экзамен в Арзамас. А после того, как я блестяще сдала вступительный экзамен во второй класс, бабушка отвезла меня учиться в Арзамас на возу с попутчиками. А готовилась я сама, одна, ибо средств не было нанять учителя, и дорогой, как сейчас помню, учила географию. Чтобы бабушке было легче за мой угол платить хозяйке, я вечерами вязала из шерсти платки, а если было много уроков, то и ночью вязала, а чтобы бабушке легче платить за мое пропитание хозяйке, я ей мыла полы.

В довершение сходств тяжелых обстоятельств моего детства с детством Горького скажу, что я училась рано, с пяти лет, у мамы по часослову и псалтыри. И также в раннем

¹⁷ Село Сыресево Ардатовского уезда Нижегородской губернии.

¹⁸ Священник с. Сыресево Иван Алексеев умер в 1843 году.

¹⁹ В 1844 году в с. Сыресево упоминается жена священника Александра Иванова Магницкая и незамужняя дочь умершего священника Анна Иванова 16 лет.

²⁰ Андрей Андреев Кантов – пономарь с. Кужендеево с 1843 года, окончил Арзамасское уездное училище.

²¹ В 1875 г. смотрительницей Екатеринбургской женской прогимназии являлась Раиса Павловна Лаврова.

детстве я была очень жестоко высечена. Горького дедушка чуть не до смерти порол, а меня отец жестоко избил от своего тяжелого характера. Мне теперь 80 лет, но я не могу вспоминать это без содрогания. Отец был иногда болезненно жесток от своей нервности. Он был последним 25-м ребенком в семье дьякона того же села Кужендеево, где дедушка был пономарем, и служил сельским писарем. Жили мы всей семьей в избушке у дедушки. Детей уже было пять человек, я старшая, 7 лет. Наша добрейшая мама нас пальцем не трогала и даже не кричала на нас, лишь всячески оберегала от пинков папы.

Высекли меня за следующее «преступление». В нашем большом богатом селе жарким летом была свадьба. На второй день гуляли по селу с песнями молодые и гости, плясали, играли на гармонии, а за ними бежало все село, не исключая детей. Зрелище было красочным, особенно в солнечный день. Дружка, главный распорядитель свадьбы, был украшен лентами, яркими красными полотнищами кумача, а молодые свахи были одеты в яркие разноцветные одежды и плясали. Вдруг вся эта толпа пошла купать нарядного дружку, и вся масса народа – гостей и зрителей, – тоже побежала к маленькой речке, и я с другими девочками-подругами... Дружку купали во всем цветном наряде. Я и близко к речке не подошла, ибо с детства панически боюсь пьяных, и ничего не видела. Но когда я пришла домой, отец так был возмущен моим «безнравственным поступком», что на дворе жестоко высек меня прутьями. После этого я два дня лежала в сенях в темном чуланчике и не могла ничего есть, лишь воду пила, а бабушка со слезами на глазах мазала мне рубцы на спине маслом из лампадки. А в момент моего истязания бабушка и дедушка были в поле на работе и не могли меня защитить. Дедушка был ласковый, тихий, никогда нас, детей, не бил, а меня как старшую тем более, и вообще они с бабушкой всех детей любили и не наказывали, что было тогда редкое явление.

А моя добрейшая чудесная мамочка в это время была в избе, кормила грудью ребенка и, услышав мои раздирающие душу крики, так испугалась, что не могла двинуться с места и продолжала сидеть, а ребенок продолжал сосать грудь. Это был мальчик Ваня шести месяцев, с ним сделался родимчик²², и он тут же умер. Я и это рассказала Алексею Максимовичу, и мы очень удивлялись, как много в нашей жизни общего, что мы пережили в детстве, и невольно наши души еще более роднились, и мы представить не могли, как мы будем жить каждый своей отдельной жизнью.

Горький очень энергично убеждал меня ехать учиться и развивать свои способности к сочинительству. А более всего он меня соблазнял тем, что я могу быть певицей – он это видит в моих глазах, которые «как звезды», и что я могу быть большой актрисой – это он видит по выражению моего лица, которое «часто озаряется улыбкой, как у Наташи Ростовской», и по интонации голоса. Алексей Максимович предлагал все это устроить и деньги взаймы предлагал, а долг я могла бы отдать после того, как начну зарабатывать.

Алексей Максимович долго и убедительно доказывал, что я делаю преступление, зарывая свой талант в землю, что запрещается даже в Евангелии. Убеждал меня: «Человек – звучит это гордо!». Алексей Максимович не то что отрицал, но нападал на альтруизм, который был, по его убеждениям, преступлением против собственной личности, ибо это есть моральное самоубийство. Тогда же Горький очень убедительно доказывал, что надо жить для себя: «Эгоизм есть не преступление, а самозащита человека от жизненных нападков, а человек прежде всего должен заботиться о себе, иначе его толпа и сама жизнь замнет и затрет в своем болоте».

Я задышалась от радостного волнения, что такой человек обо мне заботится и требует продолжить самообразование. И я очень хотела учиться по совету этого великого человека. Но дети? Как их оставить? Возможно, это была моя ошибка, врожденная привычка жертвовать собой для близких. Дети этой жертвы никогда не оценят! Да, мать более способна на жертвы, чем дети для матери, хотя случаются исключения.

²² Родимчик (разг.) – болезненный припадок у маленьких детей, сопровождающийся судорогами и потерей сознания.

Алексей Максимович убедительно доказывал мне: скоро вся эта обывательщина пройдет, умы просветлеют, и будет всем хорошо и радостно жить. Много говорил он мне о грядущей революции, которая принесет свет и рассеет тьму. Социальная революция быстро движется, но тормозят ее приход наша приверженность к вещам, обывательщина, мещанство, которые над нами господствуют. Чем он особенно горячо и страстно возмущался – господством вещей над людьми, с чем его разум и душа, добрейшая из добрых, не могли примириться, и непрерывно его ум работал над тем, как бы человечество вывести из этого тупика. Когда он вдохновенно говорил об этом, то весь загорался, как великий пророк, его лицо и фигура преображались, и от этого он делался красавцем.

Мы с Алексеем Максимовичем, когда были знакомы, работали совместно об оказании помощи исключенным и лишенным прав студентам. Много денег давал Алексей Максимович несчастным и обездоленным студентам, в своей доброте он не имел конкурентов. Его чуткая душа, чистая, как кристалл, была отзывчива ко всем, кто находился в горе и нужде. Алексей Максимович передавал студентам через меня деньги и запрещенные, т. е. нелегальные книги, которые я носила и учительнице Татьяне Александровне Лавровой. Она была дочерью начальницы прогимназии Раисы Павловны Лавровой, которую все ученицы уважали, любили и почитали. Меня она выделяла как первую ученицу во всей прогимназии, к тому же очень бедную и много трудившуюся для своего содержания во время учения. Естественно, что ее дочь Татьяна Александровна меня тоже любила и жалела, что я одна вдовой осталась с детьми, но она ко всем была добра. Огромный ум, доброта и чуткость светились в ее добрых и прекрасных глазах, во всем ее существе. Она была очень больна (опухоль в животе), работать уже не могла, даже из комнаты не выходила, получала пенсию, но имела столько силы воли, что со всеми была добра и весела. А я ее ежедневно навещала как больную и незаметно передавала книги и деньги. Рано, совсем молодой, умерла эта чудная девушка. Случилось это уже после отъезда Горького.

Т. А. Ситникова с дочерьми и нянькой. 1904 год. Фото предоставлено А. С. Устиновым

Алексей Максимович учил меня, как вести политическую подпольную работу, и я была достойной ученицей своего учителя. Моя винная лавка, вернее ее запасное помещение для посуды, многим политическим давали убежище. Одних ловила полиция, чтобы посадить в тюрьму за пропаганду, другие спасались во время погромов, которые были нередки в Арзамасе и обычно на Соборной площади, от которой моя лавка была в двух шагах, так что преследуемому быстро можно было укрыться. О погромах написал подробно в рассказе «Городок Окуров» Горький. Во время погромов я лавку обычно запирала, и мы с детьми, одни женщины, сидели в страхе, слушая шум и вой озверелой толпы и ждали, что разнесут по бревнышку нашу лавку. О себе не думалось, а за детей было страшно очень. Укрываемых от погромов я обычно помещала в запасное помещение, в пустые ящики, которые сверху

закрывались пустой посудой, – получался ночлег, хотя не очень удобный, но безопасный. Утром укрываемые незаметно уходили из лавки вместе с публикой.

Чаще других у меня ночевала в запаснике Катя Кузьмина, очень энергичная, смелая, умная девушка, подруга по гимназии моей старшей дочери Сони, немного ее старше годами. Она была талантливый и неустрашимый агитатор, и полиция ее очень усердно ловила. В одну из своих ночевок в запаснике, когда я уходила к сестре, Катя сумела сагитировать мою няню, помощницу в лавке, очень умную по природе, но устойчивую в своих старых убеждениях. Она прямо переродилась в один час, как мать Павла в повести Горького «Мать», и стала доброжелательно относиться к политическим.

Катя однажды чуть не погибла: в Арзамасе на улице как-то раз собралась толпа лавочников, дворников и кучеров богатых купцов, а смелая Катя хотела их в истинный разум привести. Один из них крикнул: «Бей ее!», – и все бросились ее бить, и лишь ловкость движений и быстрота ног спасли ее от лютой смерти. Эта очень красивая и милая девушка Катя, она же Екатерина Григорьевна Кузьмина, в первые годы Советской власти была в Киеве наркомом здравоохранения.

Когда мы с Горьким не могли в Арзамасе найти работу и вообще пристроить политических ссыльных студентов, то переправляли их в Нижний Новгород, где было легче укрыться, а главное – найти работу. А там их встречала и помогала устроиться учительница Минодора Егоровна Якубовская, моя землячка, ровесница и подруга детства, дочь доктора города Ардатова. Она была большая умница, можно сказать, исключительного ума и добрейшей благородной души, очень образованная, а потому очень нам полезная. В ее квартире Владимир Ильич Ленин читал лекцию еще при царизме²³.

А еще многие исключенные студенты за политические убеждения получали так называемый «волчий билет», чем мы оба с Горьким были возмущены, ибо это представляло ужасающее наказание, о котором я и хочу рассказать. Раз подходят к моему окну – квартира была в 1-м этаже, – два молодых человека, очень симпатичные, интеллигентные, бедно одетые, очень худые, очевидно, голодные. Просят меня найти им место хотя бы дворника и угол, говорят, что они исключенные студенты последнего курса Горного института. Но ужас в том, что кто их возьмет, тот подвергнется репрессии полиции, а если служит, то места лишится. Простые обыватели не пустят их и на порог к себе. А срок им дан три дня в каждом городе, а если не найдут ни угла, ни работы, то иди далее, и так без конца!

Очевидно, такое ужасное наказание практиковалось при царизме нередко. Такой же случай был со мной еще в Ардатове, когда я имела 22 года от роду, а мой муж, исключенный студент, имел место в земстве благодаря особой доброте и культурности Александра Николаевича Карамзина, младшего сына историка Н. М. Карамзина. Мы жили в низеньком домике в Ардатове, и я всегда сочувственно относилась к бедствию ближнего, что, очевидно, и заметили эти несчастные бродяги поневоле и подошли к моему окну. Все же мне так было их жаль, что я бегала по городу к знакомым, к родным покойного мужа, служащим, но все боялись потерять место, особенно те, у кого маленькие дети, и на квартиру их по той же причине не брали.

Здесь как будто лучшие условия для оказания помощи несчастным странникам, чем были у меня в Ардатове, но я как энергично ни бегала по городу в эти три дня – а что я могла собрать? Конечно, Горький отдал все, что мог, и я что имела – то небольшое после смерти мужа: белье, платье, – а в общем мало, ибо окуривцы не симпатизировали этим несчастным, и собирать надо было осторожно, а потому и мудрено – не скоро, ибо разные тетушки покойного мужа возмущались моим поступком, что я рискую своих детей уморить с голоду, потеряв свое место за помощь этим несчастным. Таковы были нравы окуривцев, и даже некоторые хотели на меня донести, и меня могли лишиться места в винной лавке, где я имела единственный кусок хлеба для своих четырех малолетних детей, ибо, как я уже говорила, ни я, ни мои девочки пенсии не получали как после политического, неблагонадежного

²³ Квартира Якубовской, в которой Ленин побывал в свой второй приезд в Н. Новгород, находится по адресу: ул. Володарского, 13.

исключенного студента²⁴.

Когда Алексей Максимович узнал из моих рассказов, что я близко знала Карамзиных, попросил меня о них рассказать. А для меня Карамзины всегда памятливы будут и любимы, ибо мне много дали и ласки, и внимания и их общество дало моей душе много светлого, прекрасного, ибо я там видела пример, как люди должны относиться друг к другу – вообще я много там восприняла прекрасных культурных мыслей и навыков по отношению к людям.

Александр Николаевич Карамзин приезжал в свое имение Рогожка Ардатовского уезда ежемесячно, жил более недели и работал председателем многих комиссий, учреждений. Крестьяне его любили, уважали и абсолютно во всем верили: если дело по закону не в их пользу, но раз сказал Карамзин – они тотчас же свои претензии брали обратно. Вот каким авторитетом среди населения пользовался Александр Николаевич.

Его жена Наталья Васильевна была попечительницей в моей школе. Меня она полюбила и всегда приглашала обедать, и вот за обедом мужу рассказывала так: «Представь, Са, – так она звала мужа, а он ее – Та, – у Таис, – так она меня звала, – такой молоденькой, 16 лет, хрупкой, 70 человек девочек, и девочки, кончающие школу, написали без ошибки диктант из Тургенева «Записки охотника» и верно сделали задачу». И вот за это она меня пригласила к себе в имение, где дала отдельную комнату окнами прямо на розовую плантацию. Еще были у них школа, богадельня, детский приют, больница, очень хорошо оборудованная. Врач был преопытный хирург, выписанный из-за границы, где наука вообще и медицинская в особенности стояла выше нашей. Кроме больницы, где очень хорошо кормили и держали в абсолютной чистоте, за чем наблюдала сама жена Карамзина, не боясь заразиться тифом (а ей было уже более 60 лет), еще был инвалидный дом, который она тоже посещала и меня туда брала с собой. Еще у них был детский дом, которому исключительное внимание оказывалось.

Наталья Васильевна, узнав, что я выхожу замуж за исключенного из Горного института студента, пожелала, чтобы свадьба была у них в доме. Было это в 1884 году, мне было 17 лет. Наталья Васильевна была очень счастлива, что я выхожу замуж за Н. М. Ситникова, т. к. она знала его с очень хорошей стороны от своего племянника, который учился в Горном институте, а ранее – в гимназии вместе с моим мужем. Через 9 месяцев у меня родилась дочь София, рождение которой чуть не стоило мне жизни, ибо при рождении этой девочки у меня была ужасная болезнь эклампсия²⁵, от которой почти все умирают – и мать, и ребенок, а я каким-то чудом и моя новорожденная дочь остались живы. Наталья Васильевна поместила нас – меня, няню и ребенка – в отдельном домике, стены которого все были из стеклянных дверей, чтобы более солнца было в комнатах, и который был построен на берегу, и идти к нему надо было по мостику, соединяющему этот домик с берегом озера, где был густой сосновый бор. Все это для того, чтобы восстановить мои силы и моего ребенка. Когда в 1889 году закрылся Съезд мировых судей, и мой муж Н. М. Ситников остался без места и без надежды его получить, тут снова помог А. Н. Карамзин²⁶, рекомендовав его в Арзамас в Земскую управу тоже секретарем, и мы всей семьей переехали в Арзамас.

Когда я во время моих кратких бесед с Алексеем Максимовичем все это рассказала ему, то он, всегда очень высоко ценивший этих людей, после моего рассказа о них уже прямо говорил лишь одно: «Чудесно, чудесно! Чудесные старички!». Я сама удивляюсь, как

²⁴ Н. М. Ситников и его семья не имели права на пенсию, т. к. он, вероятно, боясь расследования его прежних связей с народолюбцами в студенческие годы, не сообщал о своей службе в течение жизни, поэтому не получал штатных чинов табели о рангах, не имел документально оформленного стажа и не продвигался по карьерной лестнице. Официально из Горного института его не исключали – он сам подал заявление о прекращении учебы по семейным обстоятельствам.

²⁵ Эклампсия – заболевание, при котором артериальное давление достигает такого высокого уровня, что появляется угроза жизни матери и ребенка. Форма позднего токсикоза беременности. Существует более 30 теорий возникновения эклампсии.

²⁶ А. Н. Карамзин скончался в 1888 году.

любили меня старики Карамзины, и мне это так дорого, что слезы меня душат, как их вспоминаю.

Расскажу один случай, когда Алексей Максимович очень расстроился, что как ссыльный не может мне помочь. Я шла обедать со службы и вела за руку свою младшую пятилетнюю дочь Надю. Наш путь лежал мимо детского приюта, который был на другой стороне улицы. Вдруг послышались свист и лязг розог и отчаянный душераздирающий крик ребенка. Я моментально перебежала улицу и подбежала к воротам, которые предусмотрительно были заперты, обеими кулаками стучала в ворота и кричала: «Палачи! Прекратите истязание ребенка!». Когда ворота мне отперли, я увидела девочку лет пяти, не более, худенькую бледную, слабенькую, еле державшуюся на ногах от боли. Когда я дошла до своей квартиры, ко мне явился полицейский и потребовал, чтобы я немедленно шла к исправнику, который пригрозил мне ссылкой. Но помог умнейший и честнейший о. Федор Владимирский, который убедил исправника, что невыгодно сослать мать четырех дочерей, которых надо будет взять в приют. Так беда эта и прошла. Начальницей в приюте, где избивали девочку, была некая Витман, помещица села Лапшихи Арзамасского уезда, близкая знакомая исправника Сафонова, почему она и не боялась производить экзекуции чуть не на улице²⁷.

Повторяю, у нас с Алексеем Максимовичем было удивительно много общего в детстве и в жизни вообще, отчего невольно наши души сближались. Глаза наши без слов говорили, что мы любим друг друга и не можем жить один без другого! Но почему-то более всех мне было жаль маленькую Катеньку, любимую дочку Алексея Максимовича. Не могла я расстроить его семью, и по ночам я заснуть не могла.

*Т. А. Ситникова со второй дочерью. 1891 год.
Фото предоставлено А. С. Устиновым*

Однажды утром я пришла на бульвар, где мы встречались, а Алексей Максимович был уже там – он пришел с поля, где гулял всю ночь, что часто делал. Взглянув на меня, все понял, а я еще имела силы сказать: «Очень мне жаль маленькую Катеньку». В его прекрасных глазах было страдание, но не осуждение, и мы молча простились и более никогда уже не встречались. Даже спустя почти 45 лет нельзя описать, как это я пережила. Так закончилась наша горячая платоническая любовь с Алексеем Максимовичем, и мы расстались, чтобы более не встречаться.

Я заперла свою любовь к Горькому, как тургеневская Лиза, в монастырь моральных обязанностей. Могла ли я обидеть эту двухлетнюю крошечку, которую я очень любила, и она меня также, хотя встречала ее только на улице, ибо в квартире Горького я не бывала. Может быть, многие женщины скажут, что любовь такую, т. е. не телесную, а платоническую, легче победить. На это я могу сказать: прочтите повесть Штрайха о жизни Николая Ивановича Пирогова, где описывается любовь между первой женой Пирогова Екатериной Дмитриевной и его ассистентом Николаем Егоровичем Андерсеном. Они встречались лишь в обществе и любили друг друга взглядами. Штрайх пишет, что эта любовь сильнее, чище, возвышеннее телесной, а потому человек весь отдается ей одной, перерождается и здоровеет, что и произошло с женой Пирогова. Она ожила, чему Пирогов обрадовался, но случайно

²⁷ Витман Екатерина Владимировна (1869–1930) – бывшая помещица, староста церкви, адрес: Шатковский р-н, с. Кирманы. Арест: 12. 03. 1930, осуждена 19. 03. 1930 тройкой. Обвинение по ст. 58-10. Приговор: к 3 г. ссылки в Северный край (Книга памяти Нижегородской обл.).

перехватил их взгляды и отослал своего ассистента Н. Е. Андерсена в длительную заграничную командировку. Андерсен через два дня в дороге умер, что не скрыли от жены Пирогова, и она умерла от разрыва сердца.

Говорить о том, как мы с Горьким пережили разлуку нелегко, но время все сглаживает и стирает своей могучей рукой. Друзья Горького хлопотали за него, и он в начале сентября 1902 года переехал в Нижний Новгород.

Через несколько лет Алексей Максимович разыскивал меня, но я была в Орловской губернии, на Брянском заводе, у дочерей Сони и Наташи, которые были там учительницами. Мне об этом сказал знакомый Горького Яков Григорьевич Безруков, который приходил ко мне не раз и все просил написать воспоминания об Алексее Максимовиче²⁸. Это было уже после смерти Горького. Я отказывалась, ибо знакома была с ним короткое время. Но главное, я отказывалась писать, не имея на руках разрешения на это жены Горького, Екатерины Павловны Пешковой²⁹. Хотя, когда я ей рассказала о своем кратковременном знакомстве с Алексеем Максимовичем, она не только разрешила, но непременно советовала писать, говоря: «Пишите, пишите!», – и приняла меня очень любезно. Я была у нее 20 июня 1945 года, специально за этим ездила в Москву, что представляло тогда большие трудности.

Яков Григорьевич Безруков мне сообщил, что у него есть письмо Горького ко мне, обещал его принести и назначил день встречи, но тяжело заболел, а вскоре и умер. Это было перед войной, а его жена Софья Павловна говорила мне, что все письма своего мужа после его смерти, в том числе от Горького, она передала в Ленинскую библиотеку.

В 1907 году я перешла служить в Нижний Новгород, чтобы сдать экзамены на фельдшерицу. В губернской земской больнице были такие заочные курсы, а моя няня, старше меня на четыре года, заменила меня в лавке. Она была с Катей Кузьминой в большой дружбе, а та ко мне относилась, как к матери. Но когда я была переведена в Нижний Новгород, тоже в винную лавку, Катя попала в Арзамасе полиции и была в ссылке до прихода Советской власти, когда она получила большую ответственную работу.

В 1907–1908 годах я училась на медсестру-фельдшерицу, и мы обязаны были ходить в больницы для практики, в каждой работали по два месяца, а в гинекологической, где работал совсем еще молодой очень талантливый хирург К. Ф. Богуш, – дольше. Мы, ученицы, присутствовали на операциях, но не смели спросить врачей о том, что нам непонятно, а к Константину Федоровичу мы смело подходили и спрашивали, и он нам очень толково объяснял, считая нас себе равными. К. Ф. Богуш много работал с Алексеем Максимовичем для изыскания средств для открытия школ. Вместе они организовали концерт Ф. И. Шаляпина, и на эти деньги выстроили прекрасную школу в Александровке в пяти верстах от Горького³⁰.

Горький первый во всей России устроил в 1901 году елку для детей подвала и вообще бедняков, а сколько он работал над тем, чтобы расширить сеть школ! А наш Народный дом, где сейчас опера, – это детище Алексея Максимовича, его инициатива и его исполнение. С ним много труда положил на это дело Константин Федорович Богуш, который теперь великий, уважаемый целым краем, знаменитый профессор-гинеколог, хирург и диагност, сделавший революцию в хирургии: до него делали операции чревосечения в 2 часа, а он, наш великий К. Ф., – в 17 минут – сколько этим жизнью спас!

Недавно с особым удовольствием прочла помещенную в «Коммуне», очень талантливо и красочно написанную А. Н. Свободовым статью о Горьком. И так радостно было читать чудесные слова о Горьком критика Стасова: «Что за чудная натура, что за чудная голова! Что за поэзия!! Что за простота и правдивость формы! Что за сила

²⁸ В последние годы своей жизни публицист Яков Безруков собирал и кропотливо записывал воспоминания нижегородцев о Максиме Горьком. Им собрано 39 таких воспоминаний.

²⁹ Супруги по взаимному согласию приняли решение расстаться без оформления развода, и в 1903 году Максим Горький переехал к своей гражданской жене Марии Андреевой, отношения с которой продолжались до 1919 года. В 1920–1933 годах Горького связывали отношения с Марией Будберг.

³⁰ Ныне школа № 140 Приокского района Нижнего Новгорода. (Прим. ред.).

художника?!». Так все это верно и правдиво написано Стасовым! В заключение и мне, очень старой женщине, почитающей Горького, хочется еще сказать: какой это был ум, какая душа, какой дар творчества, несмотря на все ужасы, пережитые им в детстве и юности. А его герои? Только Горький с его орлиным взором художника мог находить таких людей! Во всем его творчестве красной нитью проходит борьба с жестокостью, косностью, мещанством.

Вчера я прочла в журнале «Огонек» письмо Алексея Максимовича к вдове Короленко, так ярко рисующее одиночество его души и вообще пессимистическое его настроение, когда ему уже было 58 лет³¹ и его талант как писателя был в полном расцвете. Вот отрывки из этих писем, помещенных в журнале «Огонек»: «И мне хотелось бы написать и Вам, Евдокия Семеновна, сказать какие-то очень сильные слова любви и уважения. Но я не умею сделать этого. Однако поверьте, я знаю, что значит быть женой русского писателя и верным другом на всем пути его. Я знаю это потому, что такие жены-друзья почти не наблюдались мною. Нигде и ни с кем! Простите, если это искреннее желание сердечно поклониться женщине покажется Вам грубым, излишним и бестактным». Читая такие строки, невольно чувствуешь одиночество души его, великой души такого человека, как наш любимый писатель Алексей Максимович Пешков.

Как-то ранним утром, сидя на бульваре, мы с Алексеем Максимовичем имели разговор о женском вопросе вообще и о женщинах в частности, причем Алексей Максимович сказал, что самые оригинальные женщины – это жены писателей, ибо они всегда греются у огня и остаются холодными, ну большинство из них. Все, верно, читали повесть Горького о его первой любви (и вместе с тем о первой жене), как она, будучи очень образованной, доброй и очень чуткой, а главное – горячо любящей своего великого мужа, заснула крепким сном, когда он ей читал свое первое произведение. Все это подтвердило сказанное Горьким о женах писателей.

А сколько он сделал для женщин всего мира, заступившись за истязаемую женщину-ребенка? Алексей Максимович тут жизнью рисковал, ибо прямо шел на смерть, идя против грубой, дикой и пьяной толпы, именно пьяной, ибо этот обычай бывает на другой день свадьбы. А этот его подвиг сделал революцию во всем мире – ибо в простом народе, да и в среднем классе была поговорка: «Курица не птица, а женщина не человек». Алексей Максимович показал этим поступком всему миру, что женщина есть мать человечества! Случай спас его: ехал мимо шарманщик с человеческой мягкой душой, а не со звериной, косматой, как у толпы, его избивавшей, поднял его без признаков жизни и привез в больницу, где он очень долго не мог поправиться. Несмотря на могучий организм он долго не мог даже в память прийти, а может быть, и на всю его дальнейшую жизнь и преждевременную смерть это повлияло. Как знать?

Горький был человек необыкновенный, ибо даже недостатки его наружности придавали ему исключительную прелесть. Его сутуловатость придавала мягкость всей его фигуре и особую нежность всем его движениям, в которых сквозила его отзывчивая душа. А его волжский выговор на букву «о» придавал мягкость и красоту произношения его речи. Все знают, как Горький красиво, выразительно читал, особенно свои произведения, так что все заслушивались!

Это был истинный сын русского народа: свободолюбивый, ярко талантливый, неукротимо требовательный энтузиаст и в то же время трогательно простой и нежный, внимательный к окружающим. Особенной любовью горело его чуткое сердце ко всему страждущему человечеству, которому он всегда готов был помочь, не щадя своих сил и здоровья, а средства – так отдавал, что мог. Из-под его пера выходили шедевры! А главное – самая живая жизнь!

Еще раз, прощаясь с рукописью, хочется мне сказать, что все, здесь написанное, – сущая правда, а об Алексее Максимовиче Пешкове-Горьком не могу найти достаточно слов,

³¹ В 1921 году, в год смерти В. Г. Короленко, Горькому исполнилось 53 года.

чтобы описать его яркий необыкновенный образ как умнейшего человека и как великого художника слова. Сколько людей, и очень больших людей, погибло на дне жизни, а Алексей Максимович стал еще более отзывчив ко всему страждущему человечеству. А каков его творческий талант, он так велик и необыкновенен, что вы будете его читать и перечитывать и не сможете насытиться красотой и духовной мощью его великого творчества!